

Мультипликатор **Юрий Норштейн:****«Сегодня время аутистов»***Известия - 2006 - 28 авг. - с. 18*

Юрию Норштейну славы не занимать: его фильмы «Сказка сказок» и «Ежик в тумане» были признаны лучшими в истории мировой анимации. Но главной его темой последние двадцать лет остается гоголевская «Шинель». По признанию Норштейна, фильм идет трудно. При этом работа над «Шинелью» никогда надолго не прекращалась. Недавно проявлены очередные метры пленки. Впрочем, Норштейн не затворник, просто круг его общения мало совпадает со стереотипным набором светских знаменитостей. И интервью он почти не дает. Говорит, что не хотел бы мелькать повсюду и по любому поводу. Однако для «Известий» художник сделал исключение и встретился с корреспондентом газеты **Дмитрием Смолевым**.

Вопрос: Вы недавно вернулись с анимационного фестиваля КРОК, где по традиции было много дебютов. Каковы впечатления?

Ответ: Фильмы представляли режиссеры из 37 стран, так что программа была по-настоящему международной. В глаза бросается ложное ощущение «творца» у большинства участников. Во многом оно связано с компьютерными технологиями. Считаю, что к компьютеру в нашей профессии должен подходить человек, который прошел рисовальную и живописную школу, широко образованный в плане изобразительной культуры. И еще нужно иметь мировоззрение, которое просто так не дается. Если нет многогранного восприятия жизни, автор начинает выращивать кристалл из самого себя. И компьютер, будучи по сути всего лишь инструментом, в этом случае идеально рифмуется с авторской усеченностью. Ограниченность, помноженная на ограниченность, дает ощущение самодостаточности — отвратительный термин, изобретение XX века, как и слово «самовыражение». Нигде в истории искусства мы таких понятий не находим... На фестивале мне понравились те фильмы, где компьютер не захватывал творческую волю создателей. Но призы получили не они.

В: В прошлом году, будучи главой фестивального жюри, вы откровенно давили на остальных судей. Ради чего?

О: Действительно, я был жестким председателем жюри. И время показало, что поступал правильно. Речь тогда шла о фильме «Молоко» Игоря Ковалева — сейчас это уже громкое имя. Почему я так решительно тогда пошел в атаку? В этом фильме проявилась новая изобразительная энергия, там присутствовало очень сильное подсознание. Фильм Ковалева расширял границы мультипликации. И я сказал на обсуждении: «Для нашего разговора все слишком трезвые, дайте нам коньячку». После чего заставил членов жюри еще раз посмотреть работы главных претендентов. Это и сыграло решающую роль.

В: Доводилось слышать мнение: мол, Норштейн — авторитетная фигура, но постоянно напирает на духовность. Тогда как в мультипликации важнее игра, импровизация, трансформация образов...

О: Уж кто, как не я, все время говорит о легкости и трансформации. Подозреваю, что под духовностью эти люди понимают обычные знания. И еще: молодые часто боятся быть самими собой. Не надо оглядываться на окружающих и думать, правильно ли тебя поймут. Ну, поймут неправильно — и что? Искусство требует мужества. Есть большая разница между человеком, который пытается все просчитать, и тем, кто следует своему тайному инстинкту и разумению. Думаю, в мультипликации все сводится к тому, чтобы физику вывести за пределы физики. Сделать это можно лишь хорошим придумыванием, хорошими оборотами. Там, где количество оборотов становится бесконечным, там и возникает духовность.

В: Мультипликация — не в последнюю очередь еще и производство. Вы не раз выражали негодование в связи с развалом «Союзмультфильма». Означает ли это крах традиций отечественной анимации?

О: Я никак не могу в этом разобраться. Сегодня многие работают в одиночку, поскольку компьютер дает такую возможность. Но в какой степени одиночка способен соответствовать внутреннему

коллективизму, которое в кино все равно присутствует? Вот я и думаю: возможно ли восстановление студии, где могли бы сосуществовать творческие личности, не мешая друг другу, как это было когда-то на «Союзмультфильме»? Каждодневные встречи, соударения взглядов рождали там особую атмосферу. Для меня это было не последним делом. По-моему, профессиональное сообщество по-иному определяет индивидуальность. Возможно, я окажусь здесь в меньшинстве, поскольку сегодня время одиночек, даже аутистов. Но и результат они дают соответствующий.

В: Другая тенденция — полнометражная анимация. Как вам недавние российские опыты в этой сфере?

О: «Князя Владимира» я смотрел в течение нескольких минут и понял: ничего не выходит. Сплошь ракурсы, любование собственным рисованием, динамика, удар туда, удар сюда — словом, чепуха. Не говоря уже про сомнительную идеологию. Полностью видел фильм Кости Бронзита «Алеша Попович и Тугарин-Змей». Костя — талантливый человек и наверняка сам знает цену своей работе. Она не входит в ложе искусства, к ней это слово неприменимо. Построенный сюжет, понимание гэгов, развитие действия — только «ремеслуха», не так уж дорого она стоит. Этому можно научить, а важно как раз то, чему научить нельзя. Пока в «полном метре» я ничего подобного не вижу. А сравнивать есть с чем: в 50-е годы у нас были два абсолютно выдающихся фильма — «Заколдованный мальчик» и «Снежная королева». Если бы сегодняшние авторы их пересмотрели, они, возможно, поняли бы, куда они заехали.

В: Если говорить о вашей собственной работе, движется ли она сейчас? Был слух, что у вас проблемы с проявкой пленки...

О: Это очень показательный случай: в Москве не нашлось места, где можно проявить черно-белую пленку. Цветное кино сегодня делать легче, проще и быстрее. Вот «цветовое», как говорил Эйзенштейн, делать сложно. В смысле цвета сейчас идет стрельба из всех батарей, а гармонии нет... Словом, нам пришлось у себя в студии раскопегарить проявочную машину, которая была долго законсервирована. Будем проявлять сами — такое вот натуральное хозяйство.

В: Знаменует ли это какой-нибудь этап в создании «Шинели»?

О: Что бы ни было написано у меня в сценарии, по ходу работы я все равно это переделываю. Не потому, что нашел наилучший вариант, а из-за необходимости согласовывать процесс с собственным ощущением. Если на предыдущем этапе ты пришел к неожиданному результату, то он и в дальнейшем будет открывать иные ходы. Все предварительные придумки на практике ломаются.

В: Получается как у Борхеса: сад расходящихся тропок...

О: Я бы сказал: ад расходящихся тропок, поскольку неизвестно, где они сойдутся. Кино чудовищно из-за своей материи, ее нужно преодолевать. Ради этого выдумываешь десятки ходов. Но я все время прослеживаю единство пути, единство цели. Каждый раз, когда промываю раскадровку, ищу, где она откликнется. Если нигде не откликается — можно ее убирать. Между тем мультипликация — такая сволочная штука, где приходится все расчислять заранее. Физика давит.

194

ФОТО: НАТАЛЬЯ ЛОГИНОВА